

Будильник грохотал по металлическому столику уже полторы минуты, пока старик, пошатываясь, пытался подняться на ноги. Но каждый раз он падал, руки его скользили по столику, и грохот так больно, так мерзко, врезался ему в уши. Линь Фан застонал... И открыл слипшиеся веки.

Мужчина приподнял голову, тяжёлую как звенящий железный шар, и осмотрелся. Вернее, попытался осмотреться: не вышло. Стояла крошечная темнота. Он, кряхтя, поднялся на свои локти, и случайно, поднимаясь, стукнулся макушкой о железный потолок. Линь Фан лежал в небольшом металлическом гнезде.

В голове мужчины гудело после сна, и это гудение наслаивалось на страшный металлический треск, который он в полудрёме спутал с будильником...

И кстати о будильнике.

Линь Фану вдруг вспомнились все события вчерашнего дня, начиная с его болезненного пробуждения. Произошло столько всего, и всё это было настолько запутанно, а во многом и бредово, что дабы прийти в себя ему даже пришлось снова уложить свою голову на плоский твёрдый матрас. Несколько минут мужчина лежал на нём и пытался размышлять; потом его нервы не выдержали, он потянулся вперёд, выбил ногой крышку своего гнезда и стал вылезать, протаскивая себя за железные поручни по бокам, на свет, откуда доносился такой мерзкий скрип.

Линь Фан вылез, выпрямил спину и осмотрелся ещё раз. Всё ещё было темно. Вокруг открывалось не очень просторное металлическое помещение, полностью проржавелое. Ржавыми были пол, стены; ржавым, верно, был и потолок, но он проглядывался только едва-едва, потому что единственным источником света были тут и там расставленные цветастые светильники, питаемые духовными кристалликами. Возле светильников, особенно красных, сжимались люди в обносках, — по два-три человека. Они сидели плотно окруживши огоньки. Когда Линь Фан заметил, что при этом они открывают на свет свои ладони, и понял, что это люди так греются, его и самого пробрала дрожь — в помещении было довольно прохладно.

А потом мужчину опять передёрнуло, потому что снова его пробрал металлический скрип, такой мерзкий, как будто ему смычком водили прямо по нервам. Линь Фан выследил источник звука и обнаружил в углу помещения старика в рваном белом халате, который сидел перед старинным — в самом дурном смысле этого слова — гуцинь (1) и «играл». Играл увлечённо, с одухотворённым выражением на лице, как будто полностью отдавая себя музыке и при этом страшно фальшивя — аж уши вяли.

Линь Фан перевёл взгляд немного в сторону.

Возле старика он заметил маленькое создание, которое обнимало свои ноги и тихо сопело.

Это была девочка... Мая.

Мужчина побрёл к ним, мимо нескольких светильников, которые приятной теплотой обласкали его ноги, и встал у ребёнка за спиной. Мая была спящей. Сперва мужчина удивился и даже чутка пожалел девочку, — насколько же она была уставшей, раз смогла задремать рядом с таким ужасающим шумом, но потом она, словно отвергая его сочувствие, встрепенулась, взглянула на мужчину своими слипшимися глазами и прошептала:

— Мастер...

Прошло ещё несколько мгновений, и наконец Мая очнулась, вскочила на ноги, резко поклонилась мужчине, зашаталась и чуть не потеряла равновесия; Линь Фану пришлось её удерживать. Девочка отстранилась и сказала с улыбкой:

— Спасибо, Мастер.

— Не мастер, — заметил мужчина.

— А? — Мая захлопала глазками.

— Я тебе не «Мастер», говорю, — повторил Линь Фан и присел на землю со скрещенными ногами. Мужчина взглянул мимо девочки, на старика, с интересом рассматривая одухотворённые гримасы, которые тот корчил во время своей игры.

Мая в свою очередь и дальше продолжила стоять на ногах, совершенно сконфуженная. Потом девочка присела, неловко, и уставилась в землю. Линь Фан усмехнулся про себя, решил, что довольно над ней издеваться, и сказал:

— Я же сказал тебе, придумай другое обращение. Любое, в принципе. А то Мастер да Мастер уже в печёнках сидит.

— Мас... Как... Как скажите, Мастер! — Мая немедленно оживилась и, Линь Фан мог сказать даже и не поворачиваясь, её глазки засияли. Он поморщился и спросил:

— Сколько я спал?

— А... Час, наверное, — сказала девочка.

— Час, значит мы только взлетели... — Линь Фан понял, почему у него так гудела голова. Всего лишь час сна после такого денёчка был той ещё пыткой. Это как с пивом. Если дать один глоточек, а потом забрать бутылку, то всё горло будет ныть от обиды.

Сейчас мужчина и девочка находились в трюме мусорного корабля, мусоровоза, одного из многих, которые каждый день циркулировали между луной—свалкой и планетой, на орбите которой она вращалась, Золотой Звездой. Разумеется, возить им позволялось только мусор, но каждый из капитанов такого судна хотел себе немного заработать, а потому некоторые из них перевозили ещё и всяческих нелегалов, кто по каким-либо причинам не мог получить разрешения на официальный перелёт.

Для этих целей капитан конкретно этого корабля закупил несколько особых контейнеров. В них находились духовные кристаллы всех пяти стихий, которые поддерживали внутри атмосферу и воздух. В них он и прятал беженцев, потому что разумеется возить их просто так, в мусорном трюме, было невозможно. Они бы сразу замёрзли насмерть.

Знал об этом Линь Фан потому, что как-то раз пилот этого судна пожаловал ему прямо в дом и предложил долю, чтобы мужчина держал всё в секрете, а когда надо мог и подсобить, чтобы не было проверок. В ответ на это щедрое предложение Линь Фан вежливо заметил, что его, кажется, спутали с заведующим свалкой...

Это был не самый приятный эпизод.

Для пилота.

Линь Фан разумеется согласился на долю, но уже не за помощь, а за молчание.

— Не хочешь ни о чём меня спросить? — вдруг обратился мужчина к Мае. Она растерянно похлопала глазками:

— Как думаешь, почему я сказал, что у тебя только тридцать минут чтобы меня дотащить?

Вообще это было верно. У девочки было тридцать минут до прибытия корабля, но потом судно ещё столько же разгружалось. Если бы она знала это заранее, Мае бы не пришлось тащить мужчину и бежать.

— Это... — Мая нахмурилась. — Это было Испытание?

Линь Фан выпрямил голову:

— ...Да.

Девочка выдохнула.

А Линь Фан неловко улыбнулся. На самом деле это не было никаким испытанием. Просто конкретно тогда, в ту минуту, его голова была не совсем свежей, и он совершенно забыл этот факт, что кораблю ещё надо разгрузиться. Теперь же он его вспомнил, и решил обыграть как «Испытание» чтобы оправдать себя перед ребёнком. И кажется получилось.

Меж тем вдруг особенно громко брякнула струна, и старик, играющий на цитре, резко вскинул голову, точно петух, который собирается кричать восход, а потом опустил её и сделал живописный вздох, как великий музыкант после чудесно исполненной партии; у Линь Фана появилось странное желание метнуть в него гнилым помидором.

— Ох, — вдруг заговорил старик одновременно и манерно-высоким, и фальшивым, и кряхтящим голосом:

— Друзья, прошу прощения; мной завладела мелодия, во мне звенело будто великое Дао музыки... Я вас совершенно не заметил.

— Не обижены, — ответил Линь Фан и начал подниматься на ноги. Но старик вскочил за ним:

— Прошу прощения, но кто бы мог подумать, что среди пассажиров нашего чудесного путешествия найдутся люди, ценящие музыку... — старик обвёл глазами весь остальной народ, который будто намеренно — собственно, так оно и было — сидел от него на отдалении, — ...Нынче это редкость.

— Действительно, редкость, — кивнул мужчина с иронией в голосе, а старик уже тыкал ему свою руку:

— Меня зовут Лань, просто странствующий Лань. А вас? О, и вас, как зовут вас, юное дитё? — обратился старец к Мае, которую только заметил.

Девочка замялась, взглянула немного растерянно на Линь Фана и ответила:

— Мая...

«Мая», — задумчиво повторил про себя мужчина.

Пусть.

Мая.

— А вас, друг, позвольте узнать? — дальше спрашивал старец.

Линь Фан в свою очередь ответил моментально, без запинок... А вернее, он хотел ответить моментально, но потом вдруг растерялся, задумался и сказал:

— Линь... Фан Линь, — а потом ещё раз повторил, уже для самого себя:

— Меня зовут Фан Линь.

— Фан Линь... — протянул старик, и мужчина уже был уверен, что он скажет что-нибудь про того самого героя Фан Линя, но старик только заметил:

— Чудесное имя, мелодичное.

— Мне тоже по вкусу, — кивнул Фан Линь и обратился к Мае:

— Пошли, у нас мало времени.

Девочка встрепенулась и встала на ноги, не спрашивая, куда это они так спешили. Она кивнула старику на прощание, и они пошли.

— Собственно, какой план: я решил захватить этот мусоровоз и сделать его нашим флагманом, — заговорил по дороге мужчина. Девочка сконфузилась, а потом быстро побежала за ним. Следующие пару секунд глаза её беспомощно бегали, а губы были полуоткрыты.

— А... — наконец она решилась и спросила. — А это обязательно?

— Нет. Это я так тупенько шучу, — ответил Фан Линь и вдруг остановился посреди более-менее свободного, но освещённого и даже согретого пространства.

— Ах... — кивнула Мая, на что мужчина только закатил глаза:

— Я скоро пойду дальше дрыхнуть, потому что если спать только час в день можно и чокнуться. Но сперва раз уж я проснулся, проведу первый урок чтобы не терять время. Потом сама будешь практиковаться всю дорогу.

— Урок?

— Урок, — кивнул мужчина, и вдруг нашёл всё происходящее немного забавным. Он прыснул:

— Будем учиться культивации.

---

1. Или же «□□», семиструнная цитра.

<http://tl.rulate.ru/book/52126/1349214>